

беседа четвёртая

Кароль Модзелевский

Краткая биография. Родился 23 ноября 1937 года в Советском Союзе. После того как его родители — Александр Будневич и Наталья Вильтер — расстались, он с матерью переехал в Польшу. Его отчим Зигмунт Модзелевский занимал высокий пост в министерстве иностранных дел Польши. Наталья Модзелевская — талантливый литератор, автор многих переводов литературной классики с польского на русский и наоборот.

Кароль с молодых лет окунается в оппозиционную борьбу, не забывая при этом о своём основном призвании — изучении истории Средних веков.

Неоднократно арестовывался. Провел в тюрьме общим сроком более восьми с половиной лет. В настоящее время сенатор от города Вроцлав, в котором проживает вместе с женой Ольгой.

Кароль Модзелевский никогда не занимал высоких постов в структурах «Солидарности», не стремится занять их и сейчас, после прихода к власти правительства Тадеуша Мазовецкого, однако влияние его на ход событий в Польше велико. Он авторитетный член парламентского клуба «Солидарности». Модзелевский блестящий оратор и редкостный мыслитель. Остальные характеристики, а также вехи его биографии

можно узнать из приведенной ниже беседы с ним, состоявшейся в Варшаве 4 сентября 1989 года.

Но прежде — несколько выдержек из уже не раз цитированной книги Вадима Трубникова:

«Эти "деятели" — Куронь и Модзелевский — давно уже шли рука об руку. И тот и другой в своё время были членами ПОРП. Свою "особую позицию" они продемонстрировали ещё во время событий 1956 г. В 1961–1962 гг. Модзелевский установил в Италии тесные связи (первые контакты ещё в 1957 году) с одним из лидеров западноевропейских троцкистов Л.Мафтани.

После возвращения из Италии Модзелевский привлёк к троцкистской деятельности Куроня. Тогда же они вместе с профессором философии Л.Колаковским (позже эмигрировал в Англию и стал одним из идеологов польской "тихой" контрреволюции) организовали в Варшавском университете дискуссионный молодёжный клуб "Кривой круг", где пропагандировали троцкистские и анархо-синдикалистские идеи.

В середине шестидесятых Куронь, Модзелевский и Колаковский были исключены из ПОРП (Куронь — второй раз; впервые — в 1953 году).

Модзелевский был главным организатором скандального "празднования" в 1967 г. группой сионистов в Варшаве "победы Израиля" в войне против арабов. В силу неумного тщеславия и стремления покрасоваться, Куронь со своими бонапартистскими замашками всегда был больше на виду, хотя основной фигурой в этом "тандеме", как показали дальнейшие события, был Модзелевский.

"Первым в ряду самых ярых врагов реального социализма в Польше,— писала в 1983 г. варшавская газета "Жолнеж Вольности",— стоит Кароль Модзелевский, наиболее тесно связанный с враждебными диверсионно-вражескими

центрами". Уже в самом начале 70-х годов оба фактически отошли от троцкизма, объявив себя "социал-демократами", однако оставили в своём идеологическом арсенале некоторые постулаты троцкистского IV Интернационала». («Крах "Операции Полония"», С.16.)

* * *

Валерий Писигин. О вашей деятельности я слышал главным образом из книги «Крах "Операции Полония"» Вадима Трубникова, вышедшей у нас в 1985 году уже вторым изданием. Из этой книги я знаю, что ваша деятельность растянулась на многие годы и начало её относится ещё к пятидесятым — началу шестидесятых. Мне интересно, какую роль играли вы в те годы? Можно ли сказать, что эта деятельность связана с эпохой хрущевской *оттепели*? И ещё меня очень интересует, каково влияние идей Льва Троцкого на формирование вашего мировоззрения как молодого революционера?

Кароль Модзелевский: Насчет книги Трубникова могу сказать, что никому бы её не рекомендовал, потому что там много неправды, хотя нам читать её было весело. Насчет нашей молодости — моей и Куроня, потому что тогда мы были тесно связаны, — и не только нашей, а, я бы сказал, вообще молодого поколения из среды той польской интеллигенции, которая либо была связана с коммунизмом уже давно, либо пошла строить новый порядок в Польше, и таких было много, после войны... Об этом теперь часто забывают, но, по-моему, большинство польской интеллигенции, особенно творческой, одобряло коммунизм и социализм. Никаких особенных различий тут не делалось: коммунизм — как движение, социализм — как строй. Эта интеллигенция поддерживала так называе-

мый «авангард» и была, можно сказать, соучастником всего того, что тогда происходило в Польше, в том числе и соучастником сталинизма, конечно. В этом смысле то, что произошло с этими кругами польской интеллигенции в 1956 году, советскому читателю должно быть понятно по собственному опыту.¹ Мой случай в некотором роде исключение, потому что у меня коммунистическое воспитание было домашним...

В.П. Вы имеете в виду отца?

К.М. Да... И вот это воспитание научило меня всерьез воспринимать основные лозунги коммунистической идеологии, а значит, и сопоставлять их с жизнью. И меня, как, впрочем, и других, которые поверили в эти лозунги и сопоставляли их с реальной жизнью, как раз и называли *ревизионистами*. Поскольку я видел огромное различие, контраст между реальностью и идеалом, которому меня учили, то это вызвало желание изменить существующее положение, устранить всё, что противоречило этому идеалу. В партийных кругах всё это на официальном уровне воспринималось как *ересь*. ...В церкви когда-то были такие, которые считали себя умниками, а на самом деле хотели изменить интерпретацию Священного Писания... Сейчас бы *ревизионизмом* я назвал критику реальной социалистической действительности, потому что она противоречит социалистическому или коммунистическому идеалу. И вот, исходя из этой формулы, может быть, самым крайним, даже экстремистским в Польше было то, что мы в 1964 году написали вместе с Яцеком Куронем документ, который опубликовали как «*Открытое письмо к партии*».

Это, действительно, была и критика чрезвычайно резкая, и программа экстремистская. Впрочем, всё это можно отнести на счёт нашей молодости: мне тогда было двадцать шесть лет. Мне теперь просто не нравится то, что мы тогда написали. У меня сегодня даже есть чувство смущения, когда я говорю или

вспоминаю об этом документе, который мне даже трудно прочитать заново. Мне неприятно в этом сознаваться, ведь это существенный момент моего прошлого.

Но вот что произошло потом. Экстремистским в документе было то, что мы провозглашали революцию, насильственное свержение существующего в Польше строя, который мы охарактеризовали как «угнетателя рабочего класса». Здесь были схожи точки зрения и с Милованом Джиласом (1911–1995), может быть, и с Троцким, но всё же больше с Джиласом.² Мы провозглашали борьбу за революцию рабочего класса, которую возглавляют Советы, и здесь, конечно, были смешаны элементы общедемократической платформы — плюрализм, многопартийность, независимые профсоюзы с правом на забастовки — с коммунистического рода утопией: государство рабочих Советов и прочее...³

Кроме революционного, мы не видели других способов. Всё другое, на наш взгляд, было невозможно, а этот путь — неизбежен. Это была программа, которая ни в коей мере не считалась с политической реальностью. Это, вообще-то, и не была, строго говоря, политическая программа, скорее, это была идейная платформа. Это была «лебединая песня» нашего *ревизионизма*, потому что критика системы с позиций её же идеологии была настолько доведена до крайности, что за этим надо было уже отрезать пуповину. То есть дальше с этих позиций критиковать уже было нельзя... Это может многим не понравиться в Советском Союзе, потому что у вас немало людей, которые сейчас думают так, как мы думали тогда...⁴

Всё это было размножено на пишущей машинке в четырнадцати экземплярах, но уже время было такое, что у нас, как и у вас, это считалось тяжёлым преступлением. Нас очень скоро арестовали, мы получили по три с половиной года. Это был 1965 год.⁵

Вышли мы на свободу 3 августа 1967 года... То есть в то время, когда, по Трубникову, я «организовал ликование еврейских националистов в Варшаве», я находился в тюрьме...

В.П. У нас люди, сидевшие по десять и более лет в сталинских тюрьмах, умудрялись прямо оттуда «руководить» подпольными контрреволюционными организациями... Так что ничего нового в этом нет.

К.М. (смеется). Да. Так вот, после этого я себя коммунистом уже не считал, и это было очень важное изменение, потому что здесь мы обрезали ту самую пуповину и сказали, что дело не в извращениях и не в противоречиях между идеологией и практикой. Напротив: есть даже некоторая последовательность между чертами идеологии и практикой, которая во имя неё проводится в жизнь. Так что надо не критиковать эту систему, а устранить её... И моя, и Куроня точка зрения переменилась в том смысле, что мы из *еретиков* стали *неверующими*. При этом мы были более склонны учитывать политическую реальность. Особенно после чехословацких событий 1968 года. Мы уже были гораздо менее склонны к революционным мероприятиям и к революционному мировоззрению и подыскивали эволюционные формы вроде введения сначала некоторых гражданских демократических свобод в существующую действительность, в существующую систему.

Эта идея эволюционных перемен в *коровское* время — значит, в середине семидесятых годов — уже торжествовала. Впрочем, я к КОРу не принадлежал, потому что я не профессиональный политик и не профессиональный деятель, а профессиональный медиевист. Я общественной деятельностью занимался только тогда, когда считал, что нет никакой возможности от неё уклониться. Это всегда мне очень мешало в моей профессиональной деятельности, у которой, как у всякого медиевиста, публика небольшая, но все же это выбранная мною

профессия, и я хочу иметь возможность ею заниматься. Так вот, в семидесятые годы я не был членом КОРа...

В.П. А можно несколько подробнее о Комитете обороны рабочих — КОРе?

К.М. Да, про КОР надо сказать, это важно, как об эволюции польской оппозиции, и он, по-моему, особенно исковерканным образом был представлен в тогдашней советской печати, и Трубниковым, конечно, тоже.⁶

Философия КОРа была неревOLUTIONной, очень практической, можно сказать, внеидеологической, то есть в его деятельности не было никакой идеологической последовательной системы. Зато это была философия связи со всеми другими демократическими движениями на основе общечеловеческих и моральных ценностей. Это была философия самоорганизации общества, без апелляции к руководству, без обращений к Коммунистической партии с просьбой наладить жизнь. Это было время Эдварда Герека... К слову сказать, я не люблю присоединяться к брани в его адрес, хотя в экономическом смысле его политика потерпела полное поражение в конце концов. Это была всё ещё очень консервативная политика, хотя и без мракобесия, которое было свойственно позднему периоду правления Гомулки... Так вот, *кóровцы* не обращались к руководству партии, к властям, они обращались к людям, к разным социальным слоям, — я здесь не хочу употреблять великое слово *народ*, — с тем чтобы люди сами поднимались на защиту своих элементарных гражданских прав...

А дело началось с выступлений рабочих в 1976 году, думаю, что тебе это известно, и ты можешь сам рассказать об этом своим читателям...⁷

Словом, в КОРе уже не было следа от *ревизионизма*, хотя внутри КОРа были бывшие *ревизионисты*, такие как Куронь и

Михник. Были и другие: например, такой известный ксендз Ян Зея (Jan Zieja, 1897–1991), связанный с подпольной антифашистской деятельностью во время немецкой оккупации, можно сказать, герой подполья; был Ян Юзеф Липский (Jan Józef Lipski, 1926–1991), с которым ты беседовал в Сенате и который никогда не отличался симпатиями к коммунизму, потому что он убежденный социал-демократ шведского, можно сказать, направления; были там интеллектуалы, актеры, люди, которых привело в КОР чувство морального долга. То есть КОР — это была элитарная форма, но она пробуждала активность у людей. Конечно, ошибочно считать, будто активность КОРа привела в движение огромную массу рабочих. Но философия КОРа оказалась близка активистам рабочего движения. Впрочем, некоторые из них, такие как Анджей Гвизда (Andrzej Gwiazda) и сам Валенса, были связаны с КОРОм еще до появления «Солидарности».⁸

В.П. Философия КОРа не включала каких-то экономических программ?

К.М. Нет, потому что это не была философия управления страной. Это была философия организации общественных сил — главным образом рабочих, интеллигенции и крестьян — на защиту своих прав. И уже потом выдвигался лозунг экономической реформы, перехода к рыночной экономике, но это была не конкретная программа. И потом уже, в начале восьмидесятых годов, очень популярна была идея рабочего самоуправления на государственных предприятиях. Но это все уже было по ходу развития событий...

1980 год ознаменовался массовыми рабочими выступлениями. Освобождение общества от тоталитаризма привело к формированию мощного независимого профсоюзного движения. Всё, что было оппозиционно в Польше, приняло четкие очертания именно как рабочее движение. В то же время было

конкретизировано всё то, что уже существовало в зародыше *кóровского* движения, а именно — концепция компромисса с коммунистами. Коммунисты — это сила, которая руководит страной. Учитывая политические реалии, мы, как новое рабочее движение, не были намерены брать власть. Таковой была философия «Солидарности». Мы считали, что, в соответствии с политической реальностью, власть должна оставаться у коммунистов. Тем более что Москва признавала только такую власть и считала, что только коммунисты могут быть гарантией того, что Польша не отойдет в сторону, что державные интересы Советского Союза в Польше не будут ущемлены. В этом смысле у коммунистов, как у руководителей страны, не было альтернативы. Но мы считали, что если у коммунистов должна остаться власть, то это больше не может быть абсолютная власть. Она должна быть ограниченной и подвержена контролю.

Эта формулировка сохранялась актуальной буквально до сегодняшнего, а скорее, до вчерашнего дня для мышления главных руководящих кругов «Солидарности», и она была актуальной для большинства членов «Солидарности». Не для всех, конечно, потому что это было стихийным явлением.

Надо понимать, что профсоюз — это масса людей. Громадная масса! В нём было девять с половиной миллионов членов, а строили его по крайней мере миллион из них. Строили собственноручно во времена шестнадцатимесячной *оттепели*. Поэтому авторских прав на то, что кто-то построил такой профсоюз, ни у кого нет и быть не может. И руководить этими профсоюзами было не так просто. Это меньше всего похоже на шахматную доску, на которой умный шахматист переставляет шахматные фигурки. Это — кипящая активностью общественная реальность, которая не менее существенна, чем геополитика.

литические реальности — например, интересы Советского Союза и понимание этих интересов тогдашним или сегодняшним кремлевским руководством. К счастью, разница — громадная, к нашему счастью и, я думаю, к вашему тоже. Это, можно сказать, геополитическая реальность.

Но активное, бурлящее массовое движение — это ведь тоже реальность. Если, например, — а такое случалось — руководители «Солидарности» по каким-то политическим или тактическим соображениям сделали ход — я уже пользуюсь шахматной терминологией, — который был непонятен и противоречил желаниям миллионов или сотен тысяч активистов «Солидарности», которые прежде их поддерживали, — то в этом случае руководители попросту теряли контроль над профсоюзом. Ведь никаких нормальных демократических механизмов — с постановлениями, голосованиями, отзывами депутатов, новыми выборами и тому подобным — не существовало. Просто на фабриках, заводах в регионах местные отделения начинали самостоятельное движение, часто хаотичное, неуправляемое, усиливая тем самым конфликты. В конце концов профсоюз эти конфликты как-то сдерживал, но ценой большого риска и за большую политическую плату. И поэтому если надо было проводить умеренную политику, — а надо было! — то следовало эту политику обсудить со всеми заинтересованными сторонами, у которых было реальное влияние, хотя они и не были членами центрального руководства «Солидарности».

Таков был тогда облик этого профсоюза, и поэтому давление радикально настроенных сотен тысяч людей очень сильно влияло на действия руководства профсоюза. Кроме того, надо сказать, что коммунистическое руководство в это время считало *гданьские соглашения* — я цитирую одного из этих руководителей, фамилию которого не могу назвать, потому что

этот разговор был частным, — «брестским миром».⁹ Советскому человеку нет никакой нужды объяснять, что это такое. То есть надо подождать, считали они, соотношение сил изменится, и тогда...

Концепции были разные среди руководящих кругов коммунистов. Была и такая, её носителем был сегодняшний заместитель председателя Сейма со стороны партии Тадеуш Фишбах (Tadeusz Fiszbach), и таких было не так уж мало. А он в то время был руководителем Гданьского обкома. Такие деятели считали, что профсоюз «Солидарность» это постоянный фактор польской жизни и компартия должна научиться с ним сожительствовать, а значит, должна измениться и сама, потому что уже невозможно дальнейшее тоталитарное управление страной. То есть партия должна была произвести такие необходимые реформы, которые позволяли бы ей сотрудничать с «Солидарностью», и чтобы это сотрудничество не доводило дело до конфликтов, которые разрушают страну. Или чтобы эти конфликты устранялись законными и наиболее безопасными для общества способами.

Но такая точка зрения не была поддержана большинством руководства ПОРП, и она не одержала победу на IX съезде компартии. Победу одержал «*центр*»: Ярузельский, Раковский, прежде всего тогдашний генеральный секретарь Каня (Stanisław Kania), которые старались довести до такого положения, чтобы можно было «Солидарность» обуздать, надеть на неё ошейник, подвергнуть пресловутой «*руководящей роли партии*», что никак не удавалось. Впрочем, это не удавалось не только по отношению к «Солидарности», но и по отношению к другим организациям, таким как Союз журналистов, Союз писателей и другие, которые стали самостоятельными. Любопытно, что Братковский (Stefan Bratkowski), тогдашний председатель Союза журналистов — впрочем, сегодня он тоже предсе-

датель, — в то время был активным членом партии... Была и крайне реакционная, репрессивная группа в руководстве партии, которая рассчитывала на помощь извне.

Так вот «центр» хотел мирным путем взять контроль над «Солидарностью», с тем чтобы реставрировать старый порядок либо с небольшими переменами, либо довести положение до того, чтобы соотношение сил позволило применить принуждение, но всё же силами самой Польши, без вмешательства извне, без участия войск Варшавского договора. И конечно, это соответствовало, по-моему, интересам брежневского руководства. Потому что нельзя сказать, что Москва стремилась ввести войска ещё и в Польшу, помимо Афганистана. Наверняка они говорили, и это даже известно, польским руководителям: *«Вы справьтесь с этой контрреволюцией своими силами, только поскорее... Товарищи, поскорее!..»* То есть подгоняли наше руководство.

И вот в этом подгоне свою некоторую роль сыграла самая репрессивная фракция внутри политического руководства ПОРП, которая просто слала доносы в Кремль, что *«Каня — это капитулянт!»*, что *«Ярузельский тоже капитулянт!»*, *«Скорее надо прекратить эту контрреволюцию!»* и так далее... Часто они делали даже провокации — *«Вводите сюда войска! Мы вас зовем! Мы будем вместе с вами!»*... То есть это были люди, которые, для того чтобы схватить в свои руки руль управления партией и страной, были готовы к тому, чтобы довести Польшу до крушения и чтобы своих же лучших союзников, кремлевское руководство, втянуть в авантюру, которая бы стоила Советскому Союзу, наверное, не меньше, чем война в Афганистане... Такие люди, впрочем, и сегодня, наверное, есть, только их не видно, они ведут себя тихо, и к ним не так прислушиваются в Москве, будем надеяться....

Так вот, в том, что тогда не дошло до более–менее продолжительного компромисса, что всё дело сорвалось и привело к военному положению, сыграло свою роль то, что руководство не шло ни на какие изменения, уступки и даже стало поворачивать назад. Это вызывало множественные столкновения с «Солидарностью», в которых партия уступала, потому что была слаба. Это придавало «Солидарности» чрезвычайное чувство силы, а кроме того, такая политика радикализировала «Солидарность». Такое положение, конечно, способствовало и конфликтам, и антагонизму в обществе. Кроме того, и это связано с внешними обязательствами ПОРП, долгий компромисс, конечно, был недопустим, так как не устраивал брежневское руководство, которое считало положение в Польше язвой и заразой, которая может отравить весь Советский лагерь, включая и Советский Союз, и потому с этим надо поскорее покончить.¹⁰

Поэтому в период крайне консервативной политики брежневской эпохи «Солидарность», можно сказать, не имела шансов. В конце концов Ярузельский и стал тем, кто реализовал желание Кремля справиться с «Солидарностью» собственными силами при помощи введения военного положения.¹¹ Одновременно это была и блокировка реформ, на которые пошло государство. То есть руководство партии доводило до конфликта, который делал невозможной политику сотрудничества ПОРП и оппозиции, поскольку такое сотрудничество могло существовать только при политике реформ. При условии *детализации* государства сожительство независимого движения с тоталитарным государством невозможно, потому что государство в таких условиях разлагается, причем очень быстро. При этом, конечно, разлагаются не его репрессивные силы, а разлагаются его функции, связанные с организацией общественного быта. Это мы отчетливо видели в 1980–1981 годах. Но вот усилия государства уничтожить «Солидарность» насильст-

венным путем, с помощью военного положения, — это показалось нам делом совершенно утопичным.

В.П. Это любопытно, так как у нас тоже говорят о возможности вмешательства военных или еще каких-то сил.

К.М. Я уже говорил, что «Солидарность» стала реальностью. Ну а кроме того, в создавшемся в Польше катастрофическом экономическом положении надо было искать выход, а его ведь не могут дать войска. Ярузельский пробовал пойти на экономические изменения в условиях военного положения, но именно эти условия как раз и исключали успех реформ. Поэтому теперь пришлось вернуться даже не к первоначальному пункту, потому что, формально говоря, договор *Круглого стола*, а тем более то, что происходит сейчас после выборов, — это большее, чем «Солидарность» требовала тогда¹². Это даже больше того, что требовали те, кого мы считали «горячими головами». Но, конечно, сегодняшнее положение — это вопрос отдельный, так как идёт чрезвычайное ускорение хода событий. Очень много угроз, связанных с экономической катастрофой, это уже хуже, чем просто кризис. Это требует уже объяснений не только в тех категориях, которыми я пользовался, рассказывая тебе про «Солидарность» 1980 и 1981 годов...

В.П. Прежде чем вы продолжите, я хотел бы вернуться к той философии, о которой вы говорили, к философии КОРа. Это очень важно для понимания, чего же хотела «Солидарность». Эта философия, как я её понимаю, была основана на политике гражданского мира, стабилизации, объединения всех слоев Польши, и с этим шли лидеры и всё движение, ни от кого не отворачиваясь. Скорее всего, именно ПОРП отвернулась от всех этих соглашений и договоров...

К.М. Я не совсем понимаю терминологию, которой ты пользуешься, она для меня нова, поэтому буду говорить своими словами...

Конечно, поиски соединяющих элементов, которые могли бы соединить разные группировки — и рабочих, и не рабочих, и интеллигенцию, и крестьянство, — то есть того, что ты называешь «гражданским миром», — это для «Солидарности» очень характерно даже до сегодняшнего дня, хотя, к сожалению, это ослабло во время кризиса. Сожалеть можно, но такова действительность.

Вот, например, можно сказать... Надо сказать! Во время последних выборов появились кандидаты из других кругов оппозиции, не от «Солидарности», и, между прочим, так называемые «экономические либералы», которые себя провозглашали кандидатами от «правых» и обвиняли «Солидарность». Обвиняли, потому что термин «левый» и особенно термин «социализм» очень сильно ассоциируются у поляков с действительностью, состояние которой плачевно. Громадное большинство поляков не привыкло противопоставлять какие-либо социалистические идеалы системе, в которой мы живем без энтузиазма лет сорок и которую все называют «социалистической». Правые обвиняли «Солидарность» в том, что это социалистическое движение, потому что оно опирается на рабочих и связано с их интересами, в то время, как по мнению либералов, выход из кризиса — в резком возврате к капиталистическому образу хозяйственной жизни, в котором рабочие не могут быть заинтересованы. Значит, считали они, «Солидарность» это сила социалистическая и к тому же консервативная.

Это, конечно, некоторая риторика, риторика полемическая, обращенная против «Солидарности», связанная с некоторыми правилами и требованиями предвыборной борьбы. Надо сказать, что на выборах такая риторика никакого успеха не обеспечивала, и «Солидарность» победила повсюду. Но у нас во Вроцлаве, например, где я был кандидатом в Сенат, были совершенно свободные выборы, нас было одиннадцать канди-

датов в нашем воеводстве на два места в сенате, среди них был кандидат от либералов, который получил 1,3 процента голосов. Так что нельзя сказать, что «правые» идеи очень популярны, но как будет в будущем — этого мы не знаем, конечно.

В.П. Я вновь хочу вернуться к вопросу о «гражданском мире». Меня очень интересует политика мирного сосуществования всех слоёв и социальных групп. Дело в том, что наши «коммунистические» партии, хотя я их и не считаю коммунистическими, всегда дестабилизировали ситуацию в наших странах, потому что принцип тоталитаризма — это правление в условиях постоянной чрезвычайщины и дестабилизации...

К.М. Это правда. Особенно в экономике.

В.П. ...И они всегда занимались воспроизводством этой чрезвычайщины, всегда играли... Сталин на этом взошел к власти... на противоречиях между социальными слоями, на несовпадении интересов рабочих, крестьян, интеллигенции...

К.М. Но это только в экономической плоскости...

В.П. Это находит своё воплощение и в политической плоскости, потому что когда происходит дестабилизация, вводится чрезвычайное положение, то тогда приходит и черед чрезвычайных мер. «Солидарность» же шла с протянутой для рукопожатия рукой. Само слово *солидарность* олицетворяет то, что нет никакой особенной роли рабочего класса или особенной роли...

К.М. Нет-нет... Про слово *солидарность* я могу рассказать, потому что именно по моему предложению профсоюз взял это название... Не будем вдаваться в детали... Дело в том, что в сентябре 1980 года были две концепции: либо отдельных региональных профсоюзов, либо одного всепольского союза. Но организационный принцип был региональным, так как профсоюзы возникали не по отраслевому принципу, а на основе забастовочных комитетов. Лозунгом бастующих было слово

«Солидарность!». И говорили: «Это забастовка Солидарности!» И даже тот красный графический знак, который сейчас тебе известен, он появился ещё до названия этим именем профсоюза, и бюллетень забастовочный, в Гданьске, который издавался в типографии Гданьского судостроительного завода имени Ленина, он тоже имел название «Солидарность». И вот, подыскивая общее, объединяющее название для всех профсоюзов, которые отделялись от центрального комитета профсоюзов... Не знаю, как у вас такой называется...

В.П. ВЦСПС.

К.М. ...Так вот, они отделялись и называли себя *независимыми* и *самоуправляющимися*, и, чтобы не получилась неразбериха, нужен был организующий символ. И тогда я на том съезде от имени вроцлавской делегации предложил единый общепольский профсоюз, конечно, с очень большой автономией каждого звена, то есть без централизации, но единый, — с названием «Солидарность». Предложение хотя и было моим, но оно просто выросло из события, это было *необходимостью момента*. В этом не было никакой заранее обдуманной философии. Вот ты говорил о какой-то идеологии *солидаризма* и так далее... Просто всё это выросло из движения, можно сказать, стихийно. И название «Солидарность» тоже появилось стихийно, просто я предложил это название, чтобы профсоюз его принял, потому что это название отделяло и обособляло его от других, с которым профсоюз не хочет быть связан... Можно сказать, что впереди была не идеология, а само движение.

В.П. Теперь перейдем к дням военного положения. Как психологически на вас подействовало введение военного положения?..

К.М. На кого?.. На народ?..

В.П. Лично на вас! Вы были готовы к этому?

К.М. (после некоторого замешательства). На этот вопрос очень непросто ответить...

Я лично считал, что дело дойдет до применения силы польскими властями, потому что появились основания опасаться этого. В конце ноября 1980 года правительство вдруг приняло постановление, которое значительно ухудшило бы жизнь в Польше. Причем это было осуществлено во время переговоров с «Солидарностью». Профсоюз не согласился, но нам сказали, что дискутировать нет смысла, так как правительство это приняло как приказ. Этот приказ можно было провести в жизнь либо под прикрытием танков, либо под прикрытием «Солидарности». Но поскольку это было принято без «Солидарности» и с таким показным высокомерием, то было ясно, что под прикрытием танков.

Кроме того, правительство тогда внесло в сейм проект закона о чрезвычайных мерах, который нам стал известен в первые дни декабря и который был умереннее, чем военное положение, но всё же очень сходен с ним. Там были и милитаризация предприятий, и военные суды над штатскими, и все что угодно. Но там это все предусматривалось только на три месяца. Мы хотели как-то подготовиться к этому, предупреждая, что нашим ответом будет генеральная забастовка. И мы это сделали в Радоме на нелегальном совещании руководства профсоюза. Это было заседание президиума профсоюза, с участием президиума Краевой комиссии, с участием председателей региональных комитетов. Это было 3 декабря 1981 года, и я там появился, потому что Фрасынюк, руководитель регионального руководства во Вроцлаве, попросил, чтобы я туда с ним поехал... Я жил уже тогда во Вроцлаве... В Радоме я, между прочим, сказал, что если мы не станем защищаться генеральной забастовкой, то они по нам несомненно ударят, поэтому мы должны им сказать, что это будет их последний бой...

Я имел в виду, что в резолюции нашего собрания мы должны ясно заявить, что в случае введения военного положения, мы тогда это называли «*исключительным положением*», мы ответим генеральной забастовкой.¹³ Ну они из этой фразы изъяли все «лишние» слова, оставили, что «*это будет их последний бой*», и использовали эти слова в своей пропаганде как призыв к свержению власти, а не как призыв к защите профсоюзов, что было на самом деле. Ну это понятно, так как им надо было испугать тех, кто еще сомневался, оправдать или, вернее, облегчить введение военного положения. Его было тем легче вводить, чем меньше люди понимали, в чем дело. Сопротивление зависело от осознания того, что происходит, рабочими, главным образом на предприятиях. Но то, что военное положение будет введено так, как оно было введено, мы не предвидели, и я начал этого опасаться только в последний день, во время дискуссии в Краевой комиссии в Гданьске.¹⁴

Это было 12 декабря, во второй день работы комиссии в Гданьске, когда я узнал, что оказались отключенными все телефоны. Я тогда сказал, что, может, они ночью все сделать хотят. Что, впрочем, не так удивительно... Но, как говорят в Польше, характера в ногах у меня было недостаточно, и меня поймали в первый же день. Я был интернирован, как это называлось, там провел год, а после этого был вместе с активными деятелями оппозиции переведен в тюрьму. Нас обвинили в том, что во время легальной деятельности профсоюза мы, «в рамках этого профсоюза», свергли существующий строй.

Я просидел под арестом без всякого обвинительного акта вплоть до августа 1984 года, когда был освобожден по амнистии...

В.П. Три с половиной года!..

К.М. Нет, два года и восемь месяцев... Три с половиной года я сидел за мартовские события 1968 года, когда были сту-

денческие волнения и разгром интеллигенции, но про это мы ещё не говорили. Это, впрочем, осуждено теперь партией и так далее, так что нам даже не стоит об этом говорить. То, что написано теперь по этому вопросу в официальном журнале «Политика», журнале господина Раковского, слишком совпадает с тем, что я думаю по этому поводу сейчас и особенно тогда...

В.П. Но сидел-то не Раковский.

К.М. (смеется). Сидел, конечно, не Раковский, который, кстати, был тогда очень критикуем на официальном уровне. Но он сумел свои позиции сохранить... Сидели, конечно, мы с Куронем... Если добавить к этим срокам два года и пять месяцев за ту чепуху (*Открытое письмо к членам ПОРП — В.П.*), которую мы с Куронем написали, то в общей сложности мы сидели с Яцеком где-то восемь с половиной лет, что по советским нормам не так много. По советским нормам это один средний приговор...

В.П. Ну-ну... И люди еще радовались таким приговорам... Как писал Солженицын: давали пять — радовались, что не дали десять; давали десять — радовались, что не дали двадцать пять; приговаривали к двадцати пяти — были счастливы, что не расстреляли...

К.М. Да, но по нашим, польским, нормам это много. И по сегодняшним понятиям, среди оппозиции, мы с Куронем, кажется, рекордсмены.¹⁵ Но я не люблю этим хвастаться, потому что это все-таки слишком большая потеря времени, а никакого патента на безошибочность в будущем это, конечно, не даёт.

В.П. Да, Кароль, восемь с половиной! Это гигантский срок! Лучшие годы, молодость... Теперь вот о чем я хотел спросить...

Сейчас мы читаем о Польше в нашей прессе более широкую и объективную информацию, а в статье в *комсомолке*, не помню уже за какое число, там вообще написано: мол, вот как

бывает, когда мы лжём, и как мы будем теперь смотреть в глаза полякам! Так вот, в нашей прессе я читаю о Михнике, довольно видной фигуре сегодняшних дней, также и о Куроне... Но Модзелевский просто исчез с высшего политического небосклона. Мы почему-то его в нашей прессе не видим, не слышим, а между тем Модзелевский — сенатор: где-то в «Известиях» промелькнуло... А так, вас почему-то не слышно. С чем это связано?

К.М. Мне нелегко ответить на этот вопрос...

Во-первых, и я тебе об этом уже говорил, я не политик-профессионал, что не значит, что у меня нет понятия в политике, но я не занимаюсь ею непрерывно. Я — медиевист, изучаю историю Средних веков, и это поле деятельности привлекает меня больше. Но есть, конечно, исключительные моменты: это когда меня просто уговорили мои товарищи, чтобы я принял участие в выборной кампании от Вроцлава. Куронь и Михник — мои друзья. Они непрерывно этой деятельностью занимались, кроме того периода, когда сидели. Они были в Варшаве. В центре всех этих событий. У нас были, между прочим, разные точки зрения и во время подпольной деятельности, и сейчас у нас разные точки зрения, но их точка зрения сейчас имеет явный перевес. Мы ссориться по этому поводу, наверное, не будем. И я не только желаю им всего доброго, но и постараюсь помочь.

Вот, например, по поводу формирования правительства у нас было сильное разногласие с Михником. У вас это не слышно, но здесь я печатаюсь. И когда в «Газете Выборчей» была его статья *«Ваш президент — наш премьер»*, то два или три дня спустя в той же газете — Михника газете, между прочим, — была напечатана моя полемика с этой его статьей под названием *«Не будем делать правительство, не будем отсюда ухо-*

дить». Это такая игра слов по-польски. Михник её напечатал, он же её первый прочёл. Там я довольно резко спорю с тем, чтобы правительство, которое на деле является правительством самой широкой коалиции — с видным участием «Солидарности», но с участием коммунистов и разных сил из прежней коалиции, — чтобы его называть нашим правительством, и я был против того, чтобы туда входить. Я всегда считал, что нам лучше оставаться конструктивной парламентской оппозицией. Но победила другая точка зрения, и, поскольку она победила, я постараюсь сделать всё возможное, чтобы оказалось, что я был не прав. Понятно, да?..

И ещё, насчёт *комсомолки* и насчёт Советского Союза, и «как вам глядеть нам в глаза»...

Конечно, есть большая тяжесть прошлого, о чём уже много написано и сказано, но, я думаю, нам надо друг другу в глаза глядеть внимательно, потому что наши судьбы — раньше говорили «судьбы государств», а сейчас я бы сказал «судьбы народов» — связаны между собой, как никогда до сих пор.

Мы, конечно, вполне осознаем, что не было бы у нас всего этого перехода к демократии, не будь *перестройки*. Хотя я не знаю, как у нас все закончится. Это может кончиться крушением. У нас, можно сказать, чрезвычайно взрывчатое экономическое положение. Выдержит всё это народ или нет — не знаю. Сумеет ли мы, политические деятели — потому что ведь я сейчас тоже сенатор, в некотором смысле политический деятель, — сумеем ли мы как-то так действовать, чтобы обеспечить мирный, эволюционный переход от тоталитаризма к демократии? Я этого не могу сказать, да и никто не может этого сказать. Мы еще как-то знаем, *от чего* мы идем, но гораздо хуже знаем, *куда* идём. А может, и вовсе не знаем. Умников много, которые говорят, что они все знают, но им верить не

следует. Но у всех нас есть полное понимание того, что, не будь *перестройки* в Советском Союзе, польские конфликты, которые созревали с не меньшей резкостью, пробовали бы решать совершенно другим путем. И для вас, конечно, не в такой степени важно, что происходит у нас, как нам важно, что происходит у вас. Потому что нам всем ясно, что если *перестройка* падет, то нам не придется искать дорогу в демократию, а придется защищать то, что мы успели достигнуть, и это будет очень трудно.

Но вот если мы падем, то и для *перестройки*, для всех вас, я думаю, будут большие осложнения. Можно сказать, что теперешнее советское руководство — противоположность брежневскому, которое держалось на сохранении *статус-кво*, боялось отойти от него и не смотрело вперед, потому что это было бы для него самоубийством. Политика же нового политического руководства, при всех её зигзагах, это политика поиска возможного безопасного перехода из самоубийственного тупика — тоже в неизвестность. Также как и у нас. И если у нас всё закончится крахом, то мирный путь в будущее в Советском Союзе будет менее вероятен. Я скажу осторожно так: судьба польских реформ — или даже польского эксперимента, как любят говорить те, кто привык считать страну лабораторией, — это чрезвычайно важно, это жизненно важно для народов Советского Союза.

В.П. Я полностью согласен... Если можно, ещё такой вопрос. Вы начали свой путь политического деятеля еще будучи молодым, очень молодым. Вам сейчас уже пятьдесят два. Что бы вы, исходя из собственного уникального опыта, посоветовали молодым, начинающим политикам в Советском Союзе? Тем более что вы скоро туда приедете...

К.М. (*смеется*). Коль скоро я приеду в другую страну, то приеду учиться, а не учить. А вы приезжайте к нам с тем же

намерением, потому что не надо вам слушать наши поучения. Вам надо просто посмотреть наш опыт. А нам надо посмотреть, что происходит у вас, чтобы понимать координаты нашего положения, посмотреть, в чём мы можем помочь вам, потому что, помогая вам, мы помогаем себе. Это ведь ясно.

Меня одно радует... Это не политическое совсем соображение в Польше — скрывать тут нечего, багаж прошлого тяжёлый, — это отношение к русским: к Советскому Союзу как к государству, это понятно само собой, но и к русским вообще. Польша обременена этим негативным багажом, и, по-моему, то, что происходит сегодня и в Польше и в Советском Союзе, изменяет это мировоззрение, меняет точку зрения поляков на русских и вообще на Советский Союз. И меня такие перемены очень радуют и обнадеживают. Меня очень радует, когда мои соотечественники, когда поляки, у которых было очень много травматических заболеваний национального сознания, лечатся; когда среди поляков распространяется более открытый подход к другим народам, это очень важно.

По-моему, эмоциональное отношение к русским, к Советскому Союзу и к другим народам Советского Союза, что очень существенно, меняется в положительную сторону, и для меня это очень важно даже вне всякой политики, потому что, если даже в будущем всё может пойти по-разному, это должно в некоторой степени остаться.

В.П. Наблюдая за вами, слушая вас, а теперь я уже знаю, сколь тяжёлым был ваш путь — пятьдесят два года и восемь с половиной лет тюрьмы, — я вижу, что ваша деятельность была не столько революционера-организатора, сколько интеллектуала, мозга произошедших событий. Соответствует ли действительности вот этот эпитет: *«самый серый кардинал польской контрреволюции»?*

К.М. Интеллектуал — это не обязательно «серый кардинал». Если у нас кого и звали «серыми кардиналами», то советников «Солидарности», а я никогда не был советником. Я был просто деятелем. Меня кооптировали в начале в президиум регионального комитета во Вроцлаве, затем меня избрали пресс-представителем «Солидарности», потом я оставил этот пост, потому что был не согласен с решениями, вернее, с формой принимаемых решений, особенно весной 1981 года, и я вновь ушел в региональную деятельность, где был избранным, но, в общем-то, нормальным профсоюзным деятелем...

Я знаю, что я сильно воздействовал на ход событий в «Солидарности» и в её руководстве, сильнее, чем это могло происходить из формально занимаемых мною должностей. Но я воздействовал, произнося речи на больших собраниях профсоюзных представителей и руководителей, а не закулисным путём. Я не говорю, что закулисный путь в политике подлежит моральному осуждению, и советники представляли собой также важную роль. Они были чутки к тому, что происходило в правительственном лагере, к такой вот кабинетной политике, и это важно, это нельзя упускать из виду. А я был чуток к тому, что не надо забывать разговаривать со всеми профсоюзными деятелями. Так что моё влияние хоть и было довольно сильным, но не на той основе, и если кого-то и можно было называть «серым кардиналом "Солидарности"», то только не меня.

В.П. Последний вопрос, связанный вот со всем этим многолетним политическим поприщем: вы не устали?

К.М. Устал, конечно, устал... (*Замешательство.*)

Я только... Сейчас бы я предпочитал... Я скажу так: у меня есть сознание... это очень личный вопрос... так вот, у меня есть сознание, что я всё время должен что-то спасать... Потому что если я не схвачу, какую-то дыру не заштопаю, то тогда что-

то очень нехорошее произойдет... Ничего не поделаешь, я всегда так делаю...

Но сейчас я хочу написать еще одну книжку. Не про «Солидарность», а про *Варварские правды*... Вы же знаете, что такое *Варварские правды*, вы же историк... Я опубликовал две книги. Это об экономической организации Польского государства в X-XIII веках и о польском крестьянстве в средневековье. Кроме того, опубликовал большую работу по ранней средневековой Италии, тоже посвященную социально-экономическим вопросам. И ещё я хочу поработать со студентами. Меня ведь после 1964 года отодвинули от университетской работы. Я хочу заниматься своей профессиональной работой, она мне больше нравится, чем политика. А пока я занимаюсь тушением пожара... Знаешь, когда дом горит, а пожарных нет, то люди хватают ведра и бегут тушить огонь. Может быть, благодаря опыту, у меня уже есть квалификация пожарного, но я не хочу быть пожарным, я хочу быть историком...

С Каролем Модзелевским у здания Сейма.
